

Солженицын Александр Исаевич
8.09.95

Один год из жизни Александра Исаевича

Встреча Солженицына с Отечеством сложилась непросто

Людмила САРАСКИНА

Трудно назвать другого писателя XX века, чья судьба была бы более фантастична и символична одновременно, чем судьба Солженицына. В автобиографии, составленной им в 1970 году по просьбе Нобелевского комитета, он писал: «Даже событий, уже произошедших с нами, мы почти никогда не можем оценить и осознать тотчас, по их следу, тем более непредсказуем и удивителен оказывается для нас ход событий грядущих».

Между тем уже в первые часы и дни на европейской земле он осознал точный смысл дарованной ему свободы: «Из лефортовской смерти выпустили печатать книги». Что же касается хода событий грядущих — он связывался Солженицыным с возможностью «живо и бережно убрать свой урожай», а затем вернуться с этим урожаем в Россию.

Теперь — это свершившийся факт.

О Солженицыне в этой связи принято говорить: он сам моделирует свою литературную биографию и свое общественное поведение; он приехал в Россию, чтобы поставить восклицательный знак в finale своей легендарной судьбы. Но даже если допустить, что жесткий расчет и запланированная дальновидность поступков и в самом деле имеют место, нельзя чисто по-человечески не изумиться тому мужеству и той силе духа, с которыми он опять и уже по доброй воле начинает жизнь на новом месте и в новых обстоятельствах.

Трудно было становиться изгнаниником в 55 лет, но не легче и в 75 лет чувствовать себя новичком в своей стране.

За много лет, в течение которых Солженицын «убирал урожай», он привык, наверное, к прозвищу «вермонтский отшельник». Отшельником писатель, однако, никогда не был: как объясняет его жена, Наталья Солженицына, «он просто охранял свою работу» (работа же была — десять томов «Красного колеса»). Тем меньше собирается он быть отшельником здесь, в России, с которой, в корне меняя свой уже устоявшийся образ жизни, писатель стремится познакомиться заново.

Двадцать лет в этом смысле огромный срок. За эти годы —

если сосредоточиться даже только на человеческом измерении, не касаясь огромности политических перемен, выросло поколение читателей, практически не знакомых с текстами Солженицына и его уникальной судьбой. Примерно до 1987—1988 года книг Солженицына и взять-то не откуда, а потом на российский читающий мир лавиной свалилась литература сразу лет за семьдесят. В этом потоке для людей несведущих, которым сейчас и двадцать, и тридцать, мог потеряться любой автор. Однако и тот, преданный Солженицыну читатель старшего возраста, кто вырос на самиздате, воспитывался на заповеди «жить не по лжи» и возмужал на «Архипелаге ГУЛАГ», этот хороший закала читатель не знает как минимум и половины привезенного в Россию, изданного на Западе 20-томного собрания сочинений: то есть не знаком как раз с «урожаем».

Кроме того: за годы политических перемен сформировалась критика и публицистика, опьяневшая от дара доставшейся шальной свободы. Перед приездом Солженицына в Россию будто бы повальная болезнь сразила нашу избалованную гласностью пишущую братию: газеты и журналы, радио и телевидение наперебой старались продемонстрировать, что ни в коем случае не станут ни трубадурами, ни придворными, ни свитой при Солженицыне. Будто ждали, что придет барин, начальник литературы, главнокомандующий свободой слова.

Но разве может быть у русского писателя свита и штат придворных? Да, у него имеются читатели, знакомые, друзья. Счастье быть читателем Солженицына, честь — оказаться среди его знакомых и друзей.

Мне кажется, что Солженицын, закончивший в изгнании свой великий литературный труд, роман-эпопею об истории Октябрьской революции, вернулся в Россию не сорвать аплодисмент, а вырастить, воспитать своего читателя, своего критика, своего исследователя. Думаю также, что процесс взаимного узнавания писателя и страны воспринимается Солженицыным не как линии хлопот или досадные помехи в обретении славы, а как новая творческая задача, которой он отдается с азартом и страстью.

...В тот день, 13 февраля 1974 года, А. И. Солженицын, сутками ранее арестованный на своей московской квартире и привезенный в тюрьму Лефортово, где ему предъявили обвинение в измене родине, а потом и указ о высылке, прощался с Россией из окна самолета, вылетавшего спецрейсом из Шереметьево в неизвестном ему направлении. Прощание выходило незатейливым: последней русской едой оказались пустые торемные щи и сваренная на воде овсянка; последними русскими пейзажами — заснеженные постройки, последними собеседниками — соотечественниками — торемный врач и восемь гебистов-охранников, эскортировавших арестанта. От торемного белья до пальто и шапки, от галстука до ботинок со шнурками, и даже куска черного хлеба, упакованного в карман пиджака. Все было казенным, лефортовским. Так что когда наконец выпихнули его из самолета за границу, личного, своего, имелось при нем только наручные часы да нательный крест. С ними и началось изгнание.

Фото Рейтер

Более того, этому процессу он сразу задал мощный темп и феноменальное качество. После почти двухмесячного путешествия по стране от Магадана до Москвы с сотнями встреч, пробыв дома (на новом месте!) всего пять недель, Солженицын отправился на юг России, в места своего детства и юности; побывал в Ростове-на-Дону и Ставрополе, Воронеже и Тамбове, Рязани и Владимире — словом, там, где пролегали тропы его судьбы.

За считанные месяцы Солженицын встретился, я думаю, с тысячами людей. Но как непохожи были эти встречи на модные в годы перестройки поездки «прогрессивных писателей» к простому народу или на «концерты» популярных экономистов. К Солженицыну приходили все, кто хотел, и писатель предлагал им говорить: это были голоса страны, это был воздух эпохи.

Солженицын сдержал слово, данное им людям, и рассказал с высокой трибуны Государственной думы о бедах своих соотечественников — об их

ляясь на телевидении, стимулирует людей задавать вопросы, совершают духовную работу. И я видела, какую огромную работу по чтению и изучению писем проделывает сам Солженицын, видела, как его семья малыми силами регистрирует, обрабатывает и раскладывает по тематическим папкам всю его колоссальную почту.

Так реальные и потенциальные читатели Солженицына, его сограждане, становятся и соучастниками его дела.

Вместе с тем движение писателя и его соотечественников навстречу друг другу исполнено драматизма, ибо осуществляется на фоне уже привычной лжи властей и лицемерия прессы. То и дело Солженицына пытаются представить или политиком и корыстным демагогом, или, напротив, человеком, потерявшим всякое ощущение реальности. Солженицын пытается говорить искренне и честно в стране врунов, но люди, видя так много лжи и фальши кругом, теряя способность отличать подлинное от поддельного, предпочитают во всем видеть только фальшь. И пока не верят ему.

Но он и не ждет молниеносной победы и мгновенного успеха. Поэтому всякий раз в выступлении он старается подчеркнуть, что многого еще не знает, не увидел, не разобрался, что готов поправить, а то и изменить свое суждение. В его общественном поведении нет ничего от законодателя мод, нет позы непогрешимого всеведущего судьи, нет амбиций вождя и учителя нации. Все больше русских сердец откликается ему, находят опору в нем, зажигаясь энергией и оптимизмом.

...Три-четыре раза в месяц Солженицын приходит в ту самую квартиру на Тверской улице, где он был арестован и увезен в Лефортово. Теперь здесь его литературное представительство; здесь же располагается и фонд его имени, который распределяет среди бывших заключенных ГУЛАГа денежные средства, полученные от изданий «Архипелага».

Подмосковный дом в Троице-Лыково, где в летнее время живет Солженицын и его семья, строился так, чтобы его крыло было оборудовано как архив, где со временем смогут работать специалисты-историки. Помимо архивных материалов к «Красному колесу»,

среди которых немало интереснейших исторических документов, здесь содержится и личный архив писателя: все черновики и все редакции его художественных произведений, а также вся переписка. «Это самый большой писательский архив в России», — с гордостью говорит Солженицын. В доме — вопреки множеству слухов и сплетен — нет никакой прислузы: весь быт, а также работа литературных помощников лежит на жене писателя, Наталье Дмитриевне, и ее маме, Екатерине Фердинандовне, ровеснице Солженицына.

За год Солженицын много успел. Помимо встреч с людьми, выступлений, регулярных телепередач он снова стал писать рассказы — «вернулся к малой форме», как говорят специалисты. Оглядывая свой двадцатитомник, изданный — увы! — не в России, писатель указывает на третий том, тоньше всех других вдвое, с рассказами 60-х годов, открывающийся знаменитым «Иваном Денисовичем». «Вот хочу немного добавить сюда», — поясняет автор. В «Новом мире» опубликованы два его прекрасных рассказа, которые проницательным критиком уже определены как творческая заявка на проекты прозы грядущего столетия. Осенью выйдут еще четыре новых рассказа. Вскоре в одном из московских издательств появятся значительно дополненные мемуары «Бодался теленок с дубом»; готовится к изданию и вторая книга мемуаров с условным названием «Теленок на Западе».

Книг Солженицына, как написанных в России, так и изданных за рубежом, простому читателю, особенно в провинции, не достать по-прежнему ни в библиотеке, ни в книжном магазине. Некоторые тексты (пьесы, публицистические статьи) не доступны практически никому.

На премьере «Пира победителей», состоявшейся 25 января 1995 года, Солженицын сказал: «Сегодня я — по-настоящему счастлив». И это не было лишь данью вежливости или благодарности актерам, хорошо сыгравшим спектакль, и зрителям, хорошо его принял. Это было состоянием души. А душа его, как любовно говорит Наталья Солженицына, «не подвержена спазмам».